

ББК 63.3(0)-38

С.А. Шерстюков

Арабский национализм в современной немецкой историографии

Ключевые слова: арабский национализм, немецкая историография, европейское влияние, «оборонительная» культура, национал-социализм.

Key words: Arab nationalism, German historiography, the European influence, «defensive» culture, national socialism.

При известной общности западной историографии арабского национализма, проявляющейся в тематике, подходах, определенных клише, ее германская ветвь, безусловно, обладает заметным своеобразием. Это объясняется и богатыми востоковедческими традициями Германии, и коллизиями германской истории. Немецкие исследователи арабского национализма не могут принимать позицию сторонних наблюдателей (если таковая вообще возможна) потому, что развитие арабского национализма прямо и опосредованно связано с европейской историей (в том числе и с историей идей) и не в последнюю очередь с историей Германии. Особенность подходов, самого дискурса, дискуссионные темы – все это так или иначе определяется данной связью.

В статье рассматриваются подходы немецких исследователей к проблемам зарождения и эволюции арабского национализма в первой половине XX в., а также их оценки европейского влияния на этот процесс.

По целому ряду причин в западном востоковедении вопросы методологии вышли на первый план. В этом отношении «революционное влияние на методологию и направление гуманитарных исследований» [1, с. 325] оказала работа американского ученого арабского происхождения Эдварда Саида «Ориентализм», вышедшая в 1978 г. и подвергшая критике представления о Востоке, выработанные в рамках западоцентричного ориентализма, а также сам ориентализм как научную дисциплину. Одним из следствий вызванных этой работой дискуссий стала более критическая оценка западными востоковедами предшествующей им историографической традиции, а также их собственных методологических позиций. В целом было признано слабое соответствие концептуального, понятийного инструментария западного востоковедения предмету познания, т. е. восточному обществу.

На это указывает, например, немецкий исследователь Йенс Хейбах: «Применительно к Переднему Востоку, а также к многочисленным другим внеевропейским культурным кругам, оказывается, что эти соседние Европе регионы, в сущности, выпадают из

сетки классических социологических теорий от Маркса до Вебера или «классических» (западных) теорий модернизации 1950-х годов. Поскольку модернизм ориентирован на промышленный, секуляристский тип западного или «европеизированного» общества, только западное общество, следовательно, может быть по-настоящему современным. Этот ход мысли является не только в высшей степени узколобым и культуросцентричным, но не позволяет понять внутреннюю динамику затрагиваемых обществ, в которых националистические или традиционалистские движения находят основу их существования в антизападных и антимодернистских установках» [2].

Вопросы о причинах зарождения арабского национализма и его особенностях, а также о возможных способах его описания и трактовки занимают существенное место в немецкой историографии.

Устоявшимся среди немецких авторов является утверждение о том, что «арабский национализм возник как антиколониальный освободительный национализм» [3]. Поэтому, полагает часть из них, колониализм, ставший родовой травмой для нарождающегося арабского национального сознания, во многом определил характер и историю развития арабского национализма. «Склонность к обиде присуща арабскому национализму с самого начала, – пишет Йохан Мюллер, – так как он «возбужденный» в двойном смысле национализм. С одной стороны, он возникает как вторичный национализм: не как в Европе, в известной степени «по доброй воле» и в контексте развития гражданских обществ, а как заимствованное из Европы и ею подталкиваемое политическое формирование. С другой стороны, его идеология зарождается в ситуации бессилия – как реакция на колониализм и чужеземное господство, но вместе с тем и как попытка найти самостоятельный ответ на возрастающее давление модернизации» [4]. Таким образом, противоречивость арабского национализма, по мнению немецких исследователей, обусловлена условиями его возникновения, когда национальная идея была одновременно привнесённой извне, и вследствие этого вызвала отторжение, а с другой стороны, представлялась думающей части арабского общества одной из причин успеха западных стран. Вероятно, отношение арабских интеллектуалов к Западу можно определить как болезненное противоречие между ненавистью и стремлением

к подражанию. Мюллер полагает, что арабский национализм является частью выраженной «оборонительной культуры»* в обществах Среднего Востока и Северной Африки [4].

Среди западных исследователей сложилось представление об отличающихся друг от друга «включающем» и «исключающем» национализме. В противоположность «включающему» национализму, который отличается умеренной формой национального самосознания и патриотизма и способен интегрировать в свою общность другие культурные группы, «исключающий» национализм осознанно ограничивается от других наций и государств, рассматривая собственную нацию в качестве более ценной, и радикально отказывается от «иностранного господства» [2].

В частности, к последнему типу национализма, появление которого было вызвано французской революцией и наполеоновскими войнами, относят немецкий, испанский и русский виды национализма, которые были направлены не только против Франции, но и против идеалов и достижений революции. Преимущественно реакционная и замедляющая сущность, как полагает Йенс Хейбах, лежит в основе этого «национализма контратаки» [2]. Часть исследователей рассматривает и арабский национализм с его «оборонительной культурой» как одно из проявлений «национализма контратаки».

Само же это выделение двух типов национализма являет собой пример бесчисленных бинарных оппозиций. Филолог В. Руднев так объясняет их природу: «Мы не можем понять мир до конца, и эта невозможность понимания компенсируется бинарной дополнительностью точек зрения на мир» [5]. Думается, что линии развития национализма гораздо разнообразнее, и выделение лишь двух крайних вариантов мало что дает в понимании его природы, более того, отнесение арабского национализма к «исключающему» типу может способствовать поиску в нем только крайних, «неправильных» черт.

Обоснованной представляется точка зрения российского исследователя А. Миллера, полагающего, что скорее следует говорить не о едином типе национализма, а о националистическом дискурсе, в котором в каждый данный момент присутствуют различные интерпретации нации: «В рамках широко понятого националистического дискурса взаимодействуют и соревнуются друг с другом самые разнообразные по степени агрессивности, ксенофобности или терпимости интерпретации нации и национальных интересов. А значит, неверно говорить о французском, русском или израильском национализме. Есть много примеров того, как в странах, которым приписывается господство «гражданского», или «включающего»

национализма (Франция, США), мощно проявляется этнический, расистский, «исключающий» национализм, и наоборот. Вопрос состоит в том, какие из этих интерпретаций в тот или иной момент, в том или ином обществе, в тех или иных социальных слоях становятся доминирующими и почему» [6].

Изменения, произошедшие в колониальную эпоху (развитие коммуникаций, печати, появление слоя европейски образованной интеллигенции и т.д.), вывели ближневосточное общество из состояния относительной замкнутости, создав единое пространство, переменны в одной части которого вызывали резонанс в другой. На этом основана попытка рассмотреть арабскую националистическую традицию в русле европейского национализма и в какой-то мере европейской истории. Так, Бассам Тиби полагает, что арабский национализм до начала Первой мировой войны – это демократический национализм, однако после соглашения Сайкс–Пико, не предусматривавшего создания независимого арабского государства и закреплявшего раздел Ближнего Востока в границах французских и британских подмандатных территорий, арабский национализм развивается в антизападную и антиколониальную идеологию контрнационалистической (konternationalistischer) природы. Арабский «национализм контратаки» ориентируется отныне прежде всего на немецкий образец и выбирает апологетическое, реакционное, народное и иногда агрессивное направление [2].

Немецкие авторы постоянно обращаются к вопросу о европейском влиянии (его масштабах, характере, последствиях) на становление и эволюцию арабского национализма. Так, Вернер Енде приводит примеры того, как концепции, выработанные в рамках европейских наук, изучавших Восток, использовались различными группами ближневосточного общества для конструирования собственной версии истории и идеологии (подобная практика применялась не только для обоснования «большой» идеологии панарабизма, но и для защиты различных, как правило, расходящихся с ней локальных идеологий – фараонизма, финикизма, пансирийского национализма и т.д.) [7].

Примечательно, что большинство немецких исследователей склонны рассматривать нацию (в том числе и арабскую) скорее как конструкт, как «воображаемое сообщество», а не как некую общность, формирующуюся в ходе длительной исторической эволюции.

Вероятно, это объясняется тем, что инициаторами и проводниками идеологии арабского национализма, как правило, были узкие группы элиты (интеллигенция, военные, представители исламского реформизма), а также представители христианских меньшинств, надеявшиеся с распространением идей национализма если не на преодоление, то на уменьшение религиозных барьеров. Однако вопрос о том, когда эта идеология перестала быть только дискурсивной практикой и стала по-настоящему массовой, главной (или одной

* Само это понятие ввел известный исламовед, профессор Гёттингенского университета Бассам Тиби.

из главных) идентичностей, остается дискуссионным. Йенс Хейбах полагает, что в Египте этот переход начинается после окончания Первой мировой войны [2]. Упомянутый уже Вернер Енде констатирует, что для масс населения национализм отчасти до сегодняшнего дня остается чуждым [7].

В недавней истории взаимоотношений арабского мира и Запада наиболее болезненным и для немцев, и для арабов был и остается вопрос о связях арабского национализма и германского национал-социализма. В немецкой историографии он не получил сколько-нибудь глубокого исследования. Одна из причин этого в том, что «долгое время национал-социализм не был центральной темой для исламоведов. Историки, которые были знакомы с этой темой, напротив, в большинстве своем не знали арабов» [8]. Понятно, однако, что проблема была не в отсутствии дисциплинарной привязки темы, а в неготовности ее исследовать. Между тем проблемные поля этой темы разнообразны: это и вопрос о европейском участии в становлении авторитарных режимов и идеологий в арабском мире, а также идеологии исламского радикализма, и вопрос о влиянии европейского (германского) антисемитизма на развитие антисемитизма арабского**.

Как отмечает исследователь Гётц Нордбрух, когда речь заходила о немецко-арабских отношениях в 1930-е и 1940-е гг., особое внимание уделялось фигуре палестинского муфтия Амина аль-Хусейни. При этом в немецких исследованиях противостояли друг другу две оценки, которые объясняли отношение муфтия и, в конечном счете, арабской стороны в целом к национал-социализму. Одна оценка может быть передана выражением «враг моего врага мой друг». Следовательно, она подразумевала сходство интересов, целей обеих сторон, а не какую-либо идеологическую близость. Вторая оценка ставила эту связь с ног на голову: согласно ей поводом к сближению была как раз общая вражда к евреям и близость идеологий [9].

В 1920–1930-е гг. в арабских странах шло активное обсуждение вопросов, связанных с национализмом. Теория и практика немецкого национализма попадала в поле зрения арабских интеллектуалов. Так, сирийско-иракский идеолог Сати аль-Хусри ссылаясь в ранние 40-е гг. на письма Гердера и Фихте, чтобы обосновать свои представления об этнически гомогенной нации. К тому же, намекая на Бисмарка, аль-Хусри, считающийся до сегодняшнего дня одним из основателей панарабского национализма, надеялся на «арабский 1871 год», который объединил бы территориально разобранную нацию [9].

Многие немецкие авторы отмечают, что арабы, как и Германия, считали себя «жертвами Версаля», в

** Понятие «арабский антисемитизм» является устоявшимся в западной и отечественной научной литературе, хотя и содержит элемент двусмысленности, так как арабы, как известно, также относятся к семитам.

этой связи приход к власти Гитлера и быстрое восстановление позиций Германии не могли не произвести сильного эффекта в арабском мире. Впечатление производила и сама фигура Гитлера***.

Однако на более важные вопросы о том, происходило ли усвоение арабской элитой (или ее частью) идей национал-социалистов и если происходило, то в какой форме, ответить значительно сложнее. Утверждения, согласно которым «арабы симпатизировали национал-социализму», как минимум, нуждаются в уточнении. Общества арабских стран были глубоко сегментированы как по традиционным стратам – родовым, клановым, религиозным, так и по современным – классовым, образовательным, профессиональным. В частности, Нордбрух указывает, что национал-социализм подвергался резкой критике прежде всего со стороны арабских либералов и коммунистов, но также и консервативных мусульман и христиан [9]. Другой исследователь, Вернер Енде, полагает, что «перед современными, прогрессивными мусульманами национал-социализм провалился, в то же время такие группы как братья-мусульмане рассматривали нацизм с большой осторожностью» [8].

Исследователь Петер Виен рассматривает проблему восприятия национал-социализма на примере иракского общества 1930–1940-х гг. По его мнению, для новой иракской элиты, молодых эфенди, гитлеровская Германия была только одним из образцов среди многих авторитарных режимов того времени. Он полагает, что более подходящее определение для этого процесса – «флирт с фашистскими образами» при отсутствии прямой адаптации фашистских идей [10].

Однако существуют и противоположные оценки. Так, Маттиас Кюнтцель полагает, что именно благодаря финансовой, идеологической, организационной поддержке нацистской Германии стал возможен взлет исламизма на Ближнем Востоке как массового антисемитского и антимодернистского движения [11].

Таким образом, наряду с точкой зрения о поверхностном, тактическом, эмоциональном приятии германского нацизма частью арабского общества, в немецкой историографии распространено и противоположное утверждение о глубинном, структурном влиянии национал-социализма на политический ландшафт арабского мира.

В целом арабский национализм рассматривается в немецкой историографии как явление с отклоняющимся развитием – проявление этого видят и в неукорененности его в арабском обществе, и в его тесном переплетении с исламом и исламизмом, в чрезмерной радикальности его форм и т. д.

*** Клаус-Михаэль Мальман и Мартин Кюперс в своей работе «Третий Рейх, арабы и Палестина» приводят такой любопытный пример: когда Германия в 1940 г. разгромила Францию, в массовых демонстрациях в Дамаске, Хомсе и Алеппо пелась новая песня: «Никогда больше месье, никогда больше мистер – на небе Аллах, на земле Гитлер!»

Немецкие авторы ищут разные познавательные модели, которые способствовали бы более адекватному пониманию арабского национализма – это, с одной стороны, и попытки найти его общность с тем или иным европейским типом национализма, и, с другой стороны, рассмотрение его как совершенно особого явления (часть «оборонительной» культуры). Некоторые из них склонны преувеличивать роль европейского влияния в судьбах арабского национализма, в новой и новейшей истории Ближнего Востока в целом. Эту роль трудно оспаривать, однако нередко

она рассматривается как определяющая (например, в том, что арабский национализм приобрел радикальные черты, что в арабском мире широко распространился антисемитизм и т.д.). Что лежит в основе этого подхода – европоцентризм, комплекс вины или исторический монизм, однозначно определить трудно, но он способствует тому, что арабы рассматриваются не как субъект истории, а как ее жертва. Примечательно, что комплекс жертвы глубоко укоренился и в сознании арабов, склонных объяснять многие свои беды происками Запада.

Библиографический список

1. Бобровников, В. Почему мы маргиналы? Заметки на полях русского перевода «Ориентализма» Эдварда Саида / В. Бобровников // *Ab imperio*. – 2008. – №2.
2. Heibach, Jens. Nationalismus und Antisemitismus / Jens Heibach. URL: <http://www.hagalil.com/antisemitismus/islam/heibach-2.htm>
3. Schmidinger, T. Arabischer Nationalismus. Die Wurzeln des Hasses: Ideologische Prämissen aus Europa / T. Schmidinger. URL: <http://www.gfbv.it/3dossier/me/arab.html>
4. Müller, J. Wes Geistes Kind? Arabischer Nationalismus, Islamismus und Antisemitismus im Mittleren Osten / J. Müller. URL: <http://www.stud.uni-hannover.de/~muab/muelle03.htm>
5. Руднев, В.П. Словарь культуры XX века / В.П. Руднев. – М., 1997.
6. Миллер, А. О дискурсивной природе национализмов / А. Миллер // *Pro et Contra*. – 1997. – Т. 2. – №4.
7. Ende, W. Kollektive Identität und Geschichte in der islamischen Welt der Gegenwart / W. Ende. URL: http://www.freidok.uni-freiburg.de/volltexte/3367/pdf/Ende_Kollektive_Identitaet_und_Geschichte.pdf
8. Lehmann, L. Buchbesprechung auf Gerhard Höpp, Peter Wien, René Wildangel Blind für die Geschichte? / L. Lehmann // *Arabische Begegnungen mit dem Nationalsozialismus*. Klaus Schwarz Verlag. – Berlin, 2004, 382. URL: http://de.qantara.de/webcom/show_article.php/_c-468/_nr-215/_p-1/i.html
9. Nordbruch, G. Die arabische Welt und der Nationalsozialismus / Götz. Nordbruch. URL: <http://www.ufuq.de/newsblog/221-vortrag-die-arabische-welt-und-der-nationalsozialismus>
10. Nordbruch, G. Review of Wien, Peter, *Iraqi Arab Nationalism: Authoritarian, Totalitarian, and Pro-Fascist Inclinations, 1932–1941* / G. Nordbruch. URL: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=21223>
11. Küntzel, M. Nationalsozialismus und Antisemitismus in der arabischen Welt / M. Küntzel. URL: <http://buecher.hagalil.com/suhrkamp/kuentzel.htm>